

Дело о наследовании титула вызвало разброд среди родичей. Помимо самого князя Цзинь, лишь княгиня Цзинь, как законная супруга, ещё могла в этом вопросе слово сказать. В Верхнюю столицу она явилась, во-первых, дабы забрать своего сына-наследника, а во-вторых, видимо, ища убежища.

Все ждут, когда князь Цзинь испустит дух. Чиновник тот вздыхал, качал головой, сокрушаясь о положении князя.

Кроме того, Ли Удуань описал в письме кое-какие мелочи по командованию войсками в землях Цзинь, сообщив, что тамошние советники и сановники больно заносились, чем изрядно ему насолили.

В конце же написал: «С разбойниками покончив, жди брата — заберу тебя в Цзянчжоу!»

Прочтя, Цинь Цзюнь сжала губы, взяла кисть и написала в ответ: «Из письма брата явствует, что князь Цзинь, видимо, уже отстранён от власти. В уделах нередко случается, что князей оттесняют сановники, а тех, в свою очередь, оплетают сетями свои же советники и управители.

Полагаю, болезнь князя Цзинь так долго скрывали неспроста. Княгиня Цзинь явилась в столицу, возможно, не за спасением, а с вестями. Лишь сделав болезнь князя достоянием всех, можно сохранить ему жизнь, дав столице время среагировать и не дать титулу ускользнуть. Это первое.

Второе: а если князь Цзинь не отстранён и с самого начала знал о глубоких связях местных разбойничьих шаек с юаньскими войсками? Что, если князь притворяется больным, а княгиня является в столицу, дабы укрыться подальше, выставив вместо себя козлом отпущения какого-нибудь побочного сына? Разбойников разгромят, наследника вернут в удел — и одним выстрелом несколько зайцев! Сие предположение, впрочем, слишком уж чудовищно, и сестра не желает в него глубоко вникать. Брат же, умоляю, не впутывайся с князем Цзинь слишком глубоко, веди расследование тайно, осмотрительно и осторожно в речах!»

Написав письмо, Цинь Цзюнь вздохнула, велела Сяо Тао найти посыльного и, взяв с собой Цзи Сы, отправилась к Цинь Бяню.

У императорского кабинета Цинь Цзюнь и Цзи Сы в сопровождении нескольких десятков служанок и евнухов из резиденции принцессы с громким шумом выстроились в ряд на коленях.

— Сын пришёл к отцу-государю просить о наказании! — возгласила она.

Спустя несколько дней весть о том, что Цинь Цзюнь намерена покинуть столицу и отбыть в Цзянчжоу, разнеслась по дворцу.

Со двора слухи перекочевали к чиновникам, а от них — в народ. Мол, принцесса сама вызвалась понести кару и отправиться в Цзянчжоу. Но кто не ведал, что Цзянчжоу — место бедственное, где простому люду даже соль не по карману? Какое уж тут сравнение с роскошной жизнью Верхней столицы?

Вмиг весь город лишь об этом и говорил.

— Собирается уехать, слышь. Говорят, принцесса узнала, что слухи о её содержанке по всему городу пошли, и, видя, как молва бурлит, хоть и недомогает, но в Цзянчжоу ехать настаивает.

— Великодушные принцессы явлено! Для женщины из публичного дома на такое пойти — нам,

простым, и в подмётки не годиться!

— Тише! Шестая принцесса ведь в императорской колеснице восседала, в Новый год поклонение народа принимала. Величие императорского дома, этакая стать — обычному человеку и за сто лет не достичь!

— Государь народ любит! И нравы таким образом поправляет!

В народе судили по-разному, находились и те, кто мыслил криво.

— Хе-хе, а по-моему, та блудница просто красоты неопишущей? Раз принцесса и в Цзянчжоу за ней, и расстаться не может?

— Красавица! В Сливовом саду дочь великого наставника Сунь её с благородной девицей спутала, сама на пир подняла, на почётное место усадила!

— Цыц-цыц! Гляди, через несколько дён в столице новые пьесы понапишут!

В Чертоге Ядра Феникса стояла тишина. Сяо Таоцзы выплакала глаза, Цзиньсю, и без того неразговорчивая, последние дни и вовсе почти не удостоивала Цинь Цзюнь вниманием.

Цинь Бянь же пребывал в ярости — никоим образом не ожидал, что Цинь Цзюнь так его проведёт.

Тогда, когда он хотел наказать Цзи Сы, та его остановила; когда хотел выслать из дворца — снова вступилась; и лаской, и хитростью, и умом — всё пустила в ход. И вот теперь сама является просить о наказании.

Цинь Бянь был рабом своей дочери и ни за что не позволил бы Цинь Цзюнь ехать мучиться в Цзянчжоу. Хоть он и дал Ли Удуаню слово, уже подыскивал отговорки, намереваясь тянуть месяцы, а то и полгода, пока Цинь Цзюнь не поправится. Можно будет потом навеститься ненадолго. Но она собралась аж на два года?

В тот день императорский кабинет чуть не разнесли в щепки. Драгоценная наложница Цзи и прочие придворные дамы приходили уговаривать её день за днём, но как ни бились — Цинь Цзюнь стояла на своём: признать вину, понести кару, в Цзянчжоу ехать необходимо.

Прошло несколько дней. Войска Ли Удуаня ещё не вернулись в столицу, а Цинь Цзюнь уже собрала пожитки и была готова к отъезду. Слово было сказано — хоть бы Цинь Бянь от злости кровью харкал, ехать всё равно придётся.

Княгиня Цзинь сейчас, наверное, как на раскалённых углях. Ворота резиденции принцессы могут удерживать её три-пять дней, но не вечно. Если княгиня Цзинь вознамерится во что бы то ни стало вернуть своего сына-наследника, Цинь Цзюнь не останется ничего иного, как улизнуть и где-нибудь схорониться. Если же всплывёт история с подложным указом — проблемы, большие хлопоты.

Прикинув ещё на пальцах: убийца Фэй вернулся в Западный Цзян. Если язык у него окажется длинным, и проболтается о том, как Цзиньсю свиток похитила, то вторая волна ищущих Цзи Сы должна уже подходить. Рано или поздно они явятся на порог.

Сумерки сгустились. Цинь Цзюнь в переднем зале зажгла светильник, поджидая Цинь Куана. Перед отъездом хотелось ещё пару слов ему сказать.

Цинь Куан, входя в чертог и проходя галереями, заметил, что служанок и евнухов в резиденции принцессы стало меньше прежнего. Расспросив, узнал: Цинь Цзюнь отпустила всех служанок постарше, а тех, кого отпустить было нельзя, распределила по другим дворцам.

Людей поубавилось, и даже самый роскошный дворец, пустоватый, словно чего-то лишился. Резиденция принцессы отчего-то стала непривычно безлюдной.

Цинь Куан вдруг осознал, что Цинь Цзюнь уже который раз не укладывает волосы в те сложные, обременительные причёски и не носит тех многослойных, вычурных нарядов. Казалось, она стала куда беззаботнее и смелее.

Неожиданно Цинь Куан поймал себя на мысли, что почти не узнаёт сестру, стоящую перед ним.

Цинь Куан явился, хмельной, и даже на расстоянии Цинь Цзюнь различала его подвыпивший вид.

— Четвёртый брат, — обратилась она к нему.

Цинь Куан осушил чашку крепкого чая и смотрел на Цинь Цзюнь сквозь дымку хмеля.

— Собираешься уезжать.

Цинь Цзюнь кивнула.

— В Цзянчжоу, здоровье поправлять.

— В краю бедственном здоровье поправлять? Лучше уж в Цзяннань, слышал, жизнь там райская, — пробормотал он.

Цинь Цзюнь улыбнулась, но не ответила, а велела приготовить похмельный отвар.

— Маленькая шестая, — позвал Цинь Куан.

— Места хоть и бедные, но, может, здоровье там и вправду наладится, — сказала Цинь Цзюнь.

Когда подали отвар, Цинь Куан произнёс:

— Благодарю сестру.

Цинь Цзюнь кивнула, засунула руки в рукава, погрела ладони о грелку, но так и не смогла вызвать в себе никакой грусти разлуки.

— На год-два уеду, вернусь. Письма ведь писать можно.

Цинь Куан усмехнулся, щёки его ещё пылали от вина.

— Повзрослела ты. Раньше брат говорил — слишком ты себя сковываешь. А теперь ты выкидываешь фокус за фокусом, брату и не угнаться.

Цинь Цзюнь поджала губы.

...Сочту это за похвалу.

— Может, это я тебя испортил, научил содержанок заводить, да ещё и во дворец приводить, — с раскаянием проговорил Цинь Куан, размышляя, что не надо было тогда брать её с собой свет посмотреть, на пиры водить, — не узнала бы она тогда утех меж мужчиной и женщиной.

Цинь Цзюнь поправила складки на юбке.

— Перед отъездом хочу дать брату совет: перестань дурачиться.

Цинь Куан горько усмехнулся, оставив отвар.

— И ты считаешь, что брат твой никчёмён? Но кто ведаёт, что лишь вино печали мои развеивает? Лучше бы мне в реку нырнуть да рыбой беспечной стать, мира не ведающей!

Цинь Цзюнь покачала головой.

— Простолюдин, дабы на экзаменах преуспеть, сперва десять лет над книгами корпит. Знатный род за три поколения до самой смерти может княжеского титула не дожидаться. Брат же от рождения наделён высоким положением, но лишь о праздности да утехам толкует?

Лицо Цинь Куана потемнело.

Цинь Цзюнь продолжила:

— Задумывался ли брат, как бы он жил, родись в смутные времена или в семье простой?

Цинь Куан вздрогнул, вспомнил о Цзи Сы и ехидно заметил:

— Сестра брата способнее.

Цинь Цзюнь, подумав, сказала:

— Карту «Цветущие горы и реки», что брат мне подарил, я очень полюбила. Брат бывал за пределами Верхней столицы?

— Лишь в окрестностях гулял, — ответил Цинь Куан.

— Почему бы брату не взглянуть своими глазами, цветущие ли вправду те горы и реки? — спросила Цинь Цзюнь.

Цинь Куан уставился на младшую сестру.

— Что ты имеешь в виду?

— Брат — удельный князь, получающий доход с земель. На довольствии том живёшь, ешь-пьёшь, а видел ли когда своих подданных? — произнесла Цинь Цзюнь.

Цинь Куан погрузился в молчание.

Цинь Цзюнь почувствовала, что сказала достаточно.

— На сегодня всё. Маленькая шестая устала, пойдёт отдыхать. Брату прошу не гневаться.

Цзиньсю и Цзи Сы ждали у дверей чертога. Увидев, что Цинь Цзюнь выходит, они последовали за ней.

— Тебе не нужно идти, — сказала Цинь Цзюнь.

Цзи Сы остановилась и отвесила почтительный поклон. Цинь Куан, выйдя из чертога, увидел её, и лицо его отразило и изумление, и радость.

— Пинь-нян...

— Приветствую князя.

— И ты с маленькой шестой в Цзянчжоу отбываешь? — с горячностью спросил он.

Цзи Сы, не поднимая головы, ответила:

— Так точно.

— Пинь-нян, — Цинь Куан, от которого пахло вином, говорил взволнованно. — Если желаешь в Верхней столице остаться, я могу...

Тут Цзи Сы подняла взгляд.

— Не надо.

— Пинь-нян, Цзянчжоу — место суровое. Почему бы не остаться здесь, со мной, да не зажить вольной птицей, без забот и печалей?..

<http://bllate.org/book/16274/1465276>